

ДЕРЕВНЯ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА в 30-е гг. XX в.



Людмила Ивановна ПРОСКУРИНА,
кандидат исторических наук

Летом 1929 г. сталинское руководство страны приступило к проведению сплошной коллективизации крестьянских хозяйств, главными задачами которой были ликвидация мелкотоварного крестьянского хозяйства и создание обобщественного производства. Сплошная коллективизация на российском Дальнем Востоке началась несколько позже, чем в центральных районах страны. В январе 1930 г. 26 районов края были объявлены районами сплошной коллективизации. Власти старались изо всех сил, не стесняясь в средствах. За отказ вступать в колхоз крестьянам угрожали раскулачиванием, лишением избирательных прав, выселением, отказом выдачи дефицитных товаров и т.д. Близость границы усиливала тревогу местных властей. Кроме того, приграничные районы Дальневосточного края были заселены в основном зажиточными крестьянами и бывшими казаками, которые особенно активно выступали против сплошной коллективизации и советской власти.

Насилие и произвол приняли повсеместный характер. Под давлением властей значительная часть дальневосточного крестьянства вынуждена была вступить в колхозы. Темпы коллективизации форсировались: с января по апрель 1930 г. ее показатели возросли с 8,8 до 45%¹.

Отрицательно сказалось на колхозном движении в крае создание колхозов-«гигантов», переход к коммуне, минувя сельхозартель².

При вступлении в колхоз у членов артели принудительно обобществляли мелкий скот, птицу, коров. Кулаки, уничтожая и продавая скот, стремились превратиться в середняков. Размеры материального ущерба на Дальнем Востоке были значительнее, чем в других районах страны.

Большую роль в проведении коллективизации в Дальневосточном крае играло создание красноармейских колхозов. Поскольку значительная часть дальневосточного крестьянства сопротивлялась коллективизации, центральные власти, чтобы ускорить этот процесс в крае, с конца 1929 г. приступили к переселению сюда демобилизованных красноармейцев и их семей в массовом порядке. Сельское население враждебно относилось к красноармейцам, приезжих запугивали голодом, плохими климатическими условиями. Создаваемые красноармейские колхозы являлись опорой местных партийно-советских органов в проведении насильственной коллективизации и раскулачивания. К весне 1930 г. в крае было создано 11 красноармейских коммун, отличавшихся гигантскими размерами, но к концу года они были разукрупнены. В 1932 г. на Дальнем Востоке действовали уже 42 колхоза, включавших 28 251 хозяйство, в том числе 6106 хозяйств демобилизованных воинов³.

Начавшаяся массовая коллективизация крестьянских хозяйств в крае создала напряженную обстановку в деревне. Наиболее зажиточные крестьяне оказывали яростное сопротивление властям. Методы сопротивления были самыми разнообразными, начиная от агитации и кончая убийством коммунистов, колхозных активистов. Попытки запрятать зерно с риском сгноить его были почти во всех округах. Происходили искусственные самораскулачивания, фиктивные разделы хозяйств. Случаи распродажи имущества и скота отмечены во многих селах Амурского, Читинского, Сретенского и Владивостокского округов⁴.

Любой факт защиты крестьянами своей собственности, права выжить тут же квалифицировался как «вылазка классового врага». Антикрестьянская сталинская политика толкала разоряемых крестьян на путь вооруженной борьбы. Крестьяне уходили в тайгу, в сопки и создавали там вооруженные отряды, в которых были не только зажиточные крестьяне, но даже середняки и бедняки, бывшие партизаны⁵. В обстановке тотального игнорирования экономических законов и интересов различных слоев земледельцев крестьянское сопротивление было неизбежным.

В феврале 1930 г. в стране началась кампания по ликвидации кулачества как класса. Она явилась удобным оправданием санкций, направленных против той массы крестьянства, которая наиболее решительно противостояла коллективизации.

Еще 21 мая 1929 г. СНК СССР принял постановление «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться кодекс законов о труде»⁶. В соответствии с этим постановлением 8 января 1930 г. Далькрайисполком принял документ, по которому определялись кулацкие хозяйства в крае⁷.

Перечень этих признаков оказался столь широким, что в число кулацких хозяйств вошли бедняцкие, которые якобы нанимали рабочую силу, арендовали пашню, сдавали в наем средства производства. Поэтому вводился еще один критерий — размер облагаемого дохода. В Амурском округе он был выше, чем где-либо на Дальнем Востоке, но ниже, чем в СССР: более 200 руб. на едока, но не менее 1250 руб. на хозяйство (по стране соответственно 300 и 1500 руб.)⁸.

Во второй половине февраля 1930 г. округа получили директиву Далькрайкома ВКП(б) от 18 февраля с разъяснением этапов и методов проведения ликвидации кулачества.

На советском Дальнем Востоке, как и по всей стране, кулаков разделили на три категории, к которым применяли различные меры воздействия. В органах власти не сложилось единого мнения в определении границ между слоями крестьянства, в определении кулацкого хозяйства. Это открыло широкий простор для произвола. Крестьянин в повседневной жизни постоянно сталкивался с неспособностью властных структур отделить кулака от крестьянина-середняка. Местные специальные комиссии по своему разумению определяли кулаков и «подкулачников». Немало было при этом и случаев сведения личных счетов. Даже большие семьи, создававшие своим трудом и разумным ведением хозяйства материальный достаток, объявлялись кулацкими. Лозунг о ликвидации кулачества служил удобным оправданием санкций, направленных против всей массы крестьян, которая наиболее решительно противостояла сталинской коллективизации. Раскулачивание превращалось в средство коллективизации, становилось основным методом ускорения ее темпов.

Насильственная коллективизация и раскулачивание стали возможными благодаря не только мощи государства и созданной командно-административной системе, но и наличию в деревне социальной силы, поддерживавшей власть. Некоторые слои населения — батраки, бедняки, а также низовой партийный и советский актив — стали опорой политического экстремизма.

В большинстве случаев они были непосредственными инициаторами и исполнителями необоснованного раскулачивания, создания коммун, применения принудительных мер по отношению к колебавшимся. Некоторые искренне верили в идею коллективизации и считали, что с созданием колхозов будет решена хлебная проблема и обеспечена зажиточная жизнь и что иного пути просто нет. Именно эта часть крестьянства была оторвана идеологически, психологически, экономически и организационно от зажиточно-средняцких слоев и тяготела к взаимодействию с государством. На поддержку таких крестьян и рассчитывал Сталин, делая ставку на форсирование массовой коллективизации. И этот расчет во многом оправдался.

Основная работа по раскулачиванию в Дальневосточном крае развернулась с конца февраля 1930 г. Было намечено к высылке около 4 тыс. кулаков 2-й категории и их семей в количестве 20 тыс. чел. До мая 1930 г. было переселено 447 семей кулаков всех категорий (2235 чел.) внутри края в Амурский, Зейский и Владивостокский округа (на окраины сел)⁹. Из-за невозможности доставить раскулаченных в зимнее время на намеченные участки была дана директива, согласованная с центральными органами, о расселении кулаков всех категорий за пределы колхозов. Внутри округов из районов и селений расселение поселками кулацких семей было незначительным, в основном их отправляли в худшие избы на окраины сел.

В связи с основательным раскулачиванием, вплоть до последней нитки, кулаки не имели минимальной нормы продовольствия и средств производства, поэтому их нельзя было отправлять в отдаленные, необжитые районы края. В особенности таким раскулачиванием отмечались Сибирь и Дальневосточный край¹⁰.

Постановлением комиссии Крайисполкома от 2 марта 1930 г. и директивой краевого комитета от 23 апреля были установлены участки, куда предполагалось выселение семей 2-й и 1-й категорий, а также определялось их трудоустройство. Всего в Зейском округе было подготовлено участков на 11 тыс. чел. Туда вселялись кулаки Читинского, Сретенского и Зейского округов. Кулаков Владивостокского, Амурского и Хабаровского округов намечалось отправить в Николаевский-на-Амуре округ на лесоразработки и золотые прииски. Планировалось расселить на прииски «Союззолото» и на лесоразработки «Дальса» 9 тыс. чел. Крестьян обязывали заниматься огородничеством, животноводством, а по рекам — и рыболовством. В поселках должны были проживать не более ста семей (500 чел.), а поселения — находиться на расстоянии не ближе 10 км друг от друга¹¹.

Все кулацкие семейства 3-й категории, расселяемые за пределами колхозных участков и 22 км погранполосы, устраивались отдельными поселками на специально отведенных им земельных участках в пределах этих же районов¹².

Проведение таких операций внутри селений и районов Дальнего Востока создавало напряженную обстановку в деревне. Озлобленные крестьяне угрожали расправой всем, кто проводил выселение, в том числе тем беднякам-колхозникам, которым отдавали их дома. Так, в одном лишь Амурском округе за одну пятидневку зафиксировали 80 фактов угроз бедноте со стороны выселенных на край села кулаков. Поэтому беднота по-прежнему отказывалась занимать кулацкие дома¹³. Бедняки-колхозники повсеместно ставили вопрос о безусловной отправке кулаков за пределы селений и даже районов.

Местные власти «усилили» работу по раскулачиванию. По отдельным селам раскулачили от 10 до 23% крестьянских хозяйств, в том числе середняцких, бедняцких и даже хозяйств бывших партизан и красноармейцев.

Под нажимом властей стали объединяться в колхозы проживавшие в крае корейские крестьяне. Часть из них была раскулачена. Массовые обыски,

групповые аресты, реквизиция хозяйств привели к уходу корейцев из края за границу. По отдельным районам бегство корейского населения приняло большой размах. Так, в Сучанском и Шкотовском районах ушло до 60% корейцев, в Гродековском — 50%, в Черниговском — 45% и т.д.¹⁴

Широкое применение репрессий против крестьян, злоупотребление властью накалили социально-политическую атмосферу в деревне. Только с января до середины 1930 г. в стране произошло 2700 крестьянских выступлений, в которых участвовали свыше 1 млн. чел. В их подавлении участвовали органы ОГПУ, армия и даже авиация. В феврале этого же года в Дальневосточном крае отмечалось 12 антиколхозных выступлений (1300 чел.)¹⁵ В Читинском округе 3 марта 1930 г. вспыхнуло восстание в с. Малета, 12 апреля начался Зейский мятеж (Сианское восстание)¹⁶.

Весной 1930 г. в Дальневосточном крае операцию против кулачества проводили 125 отрядов войск ОГПУ. Всего было переброшено распоряжением центра и ПП ОГПУ 7257 бойцов, что свидетельствовало о чрезвычайно широком вовлечении войск ОГПУ в борьбу с кулачеством. В дальнейшем произошло усиление частей ОГПУ, так в Дальневосточный край был направлен 301 боец¹⁷.

Под давлением крестьянского сопротивления и нарастающей угрозы полного развала сельского хозяйства сталинское руководство приняло меры, направленные против принуждения крестьян вступать в колхозы. Местные власти были вынуждены разрешить массовые выходы крестьян, насильственно загнанных в колхозы, чтобы не довести дело до открытой крестьянской войны. За один месяц (с апреля по май 1930 г.) число коллективных хозяйств на советском Дальнем Востоке уменьшилось с 45 до 26%.

В летний период 1930 г. было принято и рассмотрено свыше 6 тыс. жалоб крестьян на незаконное раскулачивание. В результате более 100 незаконных постановлений местных органов власти опротестовали. Ряд середняцких хозяйств восстановили.

В деревне наступило кратковременное «затишье», растерявшиеся организаторы коллективизации не решались на новый штурм. Однако Сталина и его сторонников, разумеется, не могли удовлетворить ни спад, ни застой коллективизации.

С осени 1930 г. вопреки всем постановлениям началось новое форсирование коллективизации, новое наступление на крестьянство. Насильственные меры по-прежнему были основными, решающими. Общие итоги раскулачивания и депортации 1930 г. оказались весьма внушительными. В Дальневосточном крае ликвидировали 3937 хозяйств, высылке по 2-й и 3-й категории подверглись 537 семей¹⁸. В то же время из Украины, Белоруссии, центральных районов страны было сослано в ДВК и на рудники Алдана 4083 семьи (21 381 чел.). Дальневосточный край, как и Сибирь, к концу 1930 г. превратился в зону небывалой крестьянской ссылки¹⁹.

Коллективизация крестьянских хозяйств продолжалась и в 1931 г., количество объединенных хозяйств увеличилось более чем в два раза. Последнее слово всегда оставалось за факторами принуждения: ужесточилось налоговое бремя на единоличников, не желавших вступать в колхоз, а главное — по-прежнему практиковалось раскулачивание. Среди сельских жителей шли разговоры о том, что выселяют всех — и зажиточных крестьян, и середняков, и даже бедняков. Целые села ждали по ночам выселения, готовили сухари, одежду, резали мелкий скот²⁰.

Вторая кампания по выселению крестьян уже прямо называлась операцией и проводилась по строго разработанному плану. Сохранившиеся архивные

документы свидетельствуют о том, что власти основательно к ней готовились. Подтверждением этому служит «план» операции выселения кулаков из села Богуславки Гродековского района 28 июля 1931 г.²¹.

29 июля 1931 г. ДКИК принял решение завершить ликвидацию кулачества в крае. В сентябре власти приступили к заключительному этапу выселения, намереваясь устранить всех кулаков, сбежавших из деревни или проникших в колхозы²². В 1930—1931 гг. в Дальневосточном крае были высланы 2922 кулацкие семьи 2-й категории и семьи кулаков, отданных под суд²³. Общее число раскулаченных в крае составило более 5 тыс. семей, высланных в основном на север края, в лесозаготовительные лагеря, на различные стройки, золотые прииски, шахты. Некоторые из них попали в Сибирь, на Урал, в Казахстан²⁴. Необходимо отметить, что массовое насильственное выселение крестьян в отдаленные районы прекратилось в целом по стране к концу первой пятилетки, а на Дальнем Востоке продолжалось еще длительное время.

Проводимая сталинским руководством политика насильственной коллективизации и раскулачивания сказалась на развитии сельского хозяйства края. Ощущался большой недостаток зерна, продуктов животноводства. Уссурийская область до начала второй пятилетки имела хлебные излишки, а в 1933 г. с ростом промышленности и, главным образом, с увеличением численности армии стала испытывать хлебный дефицит, который покрывался в основном за счет ввоза продуктов из других регионов страны.

В некоторых районах Дальнего Востока отмечались продовольственные трудности, имелись даже случаи голода крестьян. Так, в Амурской области, в Свободненском, Благовещенском и Завитинском районах в конце 1932 — начале 1933 г. крестьяне голодали и резко выступали против советской власти: «Дожили, приходится помирать с голоду, дети кричат хлеба, а где я его возьму? И, наверное, придется детей задавить и самой решить свою жизнь, ведь голодной смертью помирать тяжело»²⁵.

В с. Албазино Завитинского района со скотомогильника растаскали все трупы животных. Трое колхозников после недельной голодовки употребили в пищу взятые со скотомогильника трупы скота. В этом же селе кладовщик колхоза, скотник и животновод разделили между собой павшую корову. В с. Житомирке конюх колхоза, не имея хлеба, подобрал павшую овцу и употребил в пищу. В селе голодали семь семей²⁶.

Спасаясь от голода, дальневосточные крестьяне устремились в города, промышленные центры. По всей стране в начале 1932 г. вспыхнули массовые выступления, охватившие по неполным данным 55,4 тыс. крестьян, среди которых были десятки тысяч колхозников. Число террористических актов достигло 3,3 тыс., распространено около 1 тыс. антисоветских листовок²⁷. На Дальнем Востоке, например, в январе 1932 г. в 8 районах ликвидировали 12 «контрреволюционных» и «антисоветских» группировок. Были заведены уголовные дела на 37 группировок, в том числе на 15 повстанческих²⁸.

В поисках выхода из создавшегося положения СНК СССР в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 17 марта 1932 г. принял решение «Об организации особого колхозного корпуса (ОКК) Отдельной Краснознаменной Дальневосточной Армии (ОКДВА)». В постановлении указывалось, что цель создания ОКК состояла в том, «чтобы укрепить безопасность советских дальневосточных границ, освоить богатейшие целинные и залежные земли, обеспечить население и армию Дальнего Востока продовольствием, значительно сократить ввоз хлеба и мяса из Сибири на Дальний Восток, развить экономику Дальнего Востока»²⁹.

Создание ОКК ОКДВА явилось вынужденной мерой и свидетельствовало о неэффективности проводимой властными структурами политики в аграрном секторе экономики края.

Столь огромное давление властей на крестьян привело к тому, что некоторые смирились с коллективизацией, а другие продолжали ожесточенно сопротивляться. В 1932—1933 гг. трагические события разыгрались на севере Приморья (на территории Верхнего Бикина), в пос. Улунге, где проживало старообрядческое население³⁰.

После разгрома выступления улунгинских крестьян прокатилась новая волна репрессий по всему северному побережью Приморья. Общее число репрессированных крестьян Приморья органами ОГПУ, судом, прокуратурой и милицией за первую половину 1933 г. составило около 4 тыс. чел.³¹

Репрессии в дальневосточной деревне продолжались и в период завершения коллективизации и обрушились уже не столько на крестьян-единоличников, сколько на колхозников. В 1934 г. в крае действовали 67 политотделов МТС, и свои чрезвычайные полномочия они употребили главным образом на то, чтобы провести глобальную чистку кадров колхозов и МТС и путем применения репрессивных мер добиться безусловного выполнения непосильных для крестьян хлебозаготовительных планов.

Дальневосточное крестьянство существенно пострадало в период проведения паспортизации в регионе в конце 1933—1934 гг.³²: во многих районах произошло сокращение численности сельского населения. Проживавшее в режимных пограничных зонах крестьянство получило паспорта, тогда как в целом по стране беспаспортные колхозники составляли большинство. К осени 1934 г. 40,3 тыс. чел. «беспаспортных» были вынуждены покинуть места проживания. Именно на сельских жителей региона приходилась большая доля «отказников» с последующим их выселением. Так, из Гродековского района было выселено 16% населения, из приграничного с. Сальского Иманского района — третья часть жителей и т.д.³³

В результате раскулачивания, бегства крестьян за границу, самоликвидации крестьянских хозяйств и ухода крестьян в город (на промышленные предприятия, транспорт), паспортизации и выселения «враждебных элементов» заметно уменьшилось сельское население российского Дальнего Востока, особенно в старожильческих районах и пограничных зонах.

Показательно сокращение населения Тамбовского района как старожильского, с высоким удельным весом зажиточных хозяйств. За три года (1931, 1932, 1933) население уменьшилось на 28 959 чел., т.е. более чем наполовину (57%)³⁴. Сократилось население таких старых районов земледелия, как Ивановский, Михайловский, Благовещенский, а в Куйбышевском и Кагановичском районах за период с 1930 по 1934 г. уменьшилось в 2,5 раза. В Приморье также уменьшилось население в Ханкайском, Гродековском, Хорольском, Посьетском и других районах, так, в Молотовском районе с 1933 по 1937 г. — в 3 раза, Гродековском — более чем в 2,5 раза и Хорольском — на 20%³⁵.

К концу второй пятилетки коллективизация в крае завершилась, в колхозы было объединено 94,7% крестьянских хозяйств и 99,5% посевных площадей, всего насчитывалось 1198 колхозов. Конфликт государства и крестьянства порождался классово сориентированной аграрной политикой советской власти. Государство в результате насильственной коллективизации могло брать все, что считало нужным, не давая крестьянам эквивалентного вознаграждения за их труд.

В 1937—1938 гг. на страну, в том числе и на дальневосточную деревню, обрушилась новая волна репрессий. Все новые и новые документы позволяют

говорить о том, что кровавому террору подверглась и значительная часть сельского населения региона. Репрессии по всей стране начались с 10 июля 1937 г., а на Дальнем Востоке несколько позже — с 15 августа. Все репрессируемые — бывшие кулаки, уголовники и другие антисоветские элементы были разбиты на две категории. К первой категории относились наиболее враждебные из перечисленных выше элементов. Они подлежали немедленному аресту и после рассмотрения их дел «тройкой» — расстрелу. Вторая категория включала в себя всех остальных, но все же враждебных элементов. Они также подлежали аресту и заключению в лагерь на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них — заключению на те же сроки в тюрьмы по определению «тройки».

По Дальневосточному краю на 1 января 1938 г. было арестовано 9613 чел., в том числе бывших кулаков — 1428, уголовников — 2965, других контрреволюционных элементов — 5490 чел. Из всех арестованных 8354 чел. относились к 1-й категории, 1259 — ко 2-й³⁶.

С осени 1937 г. началось насильственное переселение корейского населения, в своем большинстве сельскохозяйственного (95%). Правительство приняло решение об «отчистке» Дальневосточного края от групп населения, которые могли быть использованы соседними государствами в шпионско-диверсионной деятельности. 21 августа 1937 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края». Были утверждены «тройки» по переселению и графики отправки эшелонов. В короткий срок (к 25 октября) из ДВК в товарных вагонах в Казахстан и Среднюю Азию вывезли около 180 тыс. корейцев, многие из них на новых местах бедствовали, не имели жилья, работы и т.д.; около 2500 корейцев были арестованы. В результате насильственного переселения корейцев нанесен значительный урон сельскому хозяйству региона: прекратили свое существование национальные корейские сельскохозяйственные и рыболовецкие колхозы, различные промысловые артели; на дальневосточной земле не стало самобытной корейской сельскохозяйственной культуры.

За период с 1928 по 1937 г. население, занятое в сельском хозяйстве, сократилось с 920 тыс. до 380 тыс. чел., или в 2,4 раза. Из этого числа осталось в колхозах 303,9 тыс. чел.; в МТС и совхозах — около 60 тыс. чел. и крестьян-единоличников — около 15 тыс. чел.³⁷ В результате насильственной коллективизации дальневосточная деревня понесла существенные потери и в политическом, и в экономическом, и моральном плане. Ценой огромных жертв она обеспечила индустриальное развитие Дальнего Востока, снабжение техническим сырьем и необходимым минимумом продовольствия.

В конце 30-х годов XX в. на советском Дальнем Востоке была создана новая система ведения сельского хозяйства — колхозно-совхозная. В регионе насчитывалось 1283 колхоза (67,7 тыс. колхозных дворов), которые объединили 99,4% крестьянских дворов и 99,9% посевных площадей. Появилось 76 совхозов различных направлений — животноводческих, зерновых, овощеводческих и др.

Назначение созданной социалистической системы сельского хозяйства состояло в том, чтобы, используя в качестве основных внешнеэкономические, а иногда и чрезвычайные меры, изымать из колхозов за бесценку в пользу города, промышленности и армии большую часть производимой продукции, перекачивать из деревни людские ресурсы.

В 1930-е годы сельское хозяйство являлось объектом административно-командного принуждения и директивного планирования со стороны властных структур и тоталитаристски ориентированных партийно-государственных органов как в общероссийском, так и в региональном масштабе.

- ¹ Колхозы Дальнего Востока. Хабаровск, 1930. С. 18.
- ² Материалы к отчету краевого комитета ВКП(б). Хабаровск, 1930. С. 131.
- ³ ГАХК. Ф. 724, оп. 1, д. 17, л. 59—60; РГИА ДВ. Ф. 2441, оп. 5, д. 19, л. 31; Билим Н.А. Из истории участия демобилизованных в колхозном строительстве на Дальнем Востоке в годы предвоенных пятилеток // Учен. зап. Хабар. гос. пед. ин-та. Сер. ист. Хабаровск, 1970. Т. 28. Ч. 1. С. 47.
- ⁴ ГАХК. Ф. П-2, оп. 1, д. 237, л. 4.
- ⁵ Там же. Оп. 2—4, д. 169, л. 82.
- ⁶ Солопов А. Кого считать кулаком в 1924—1925 годах? // Трудные вопросы истории. Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. М., 1991. С. 99—100.
- ⁷ Ермизина Е.М. Раскулачивание в амурской деревне (1930—1934 гг.). Благовещенск, 1999. С. 10.
- ⁸ Там же. С. 11.
- ⁹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Док. и материалы. В 5 т. 1927—1939. Т. 2. Ноябрь. 1929 — декаб. 1930. М.: РОССПЭН, 2000. С. 414.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ ГАХК. Ф. 1228, оп. 1, д. 162, л. 8—9.
- ¹² Там же. Д. 164, л. 66.
- ¹³ Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 415.
- ¹⁴ ГАХК. Ф. П-2, оп. 2—4, д. 169, л. 78—79; Оп. 1, д. 226, л. 24.
- ¹⁵ Шишко Н.П. Борьба Дальневосточной краевой партийной организации за победу линии партии на сплошную коллективизацию и укрепление колхозного строя (1929—1932 гг.) // Учен. зап. ДВГУ. Сер. обществ. наук. Владивосток, 1965. Т. 7. С. 89.
- ¹⁶ Караман В.Н. Сианское восстание крестьян. 1930 г. // Россия и АТР. Владивосток, 2005. № 4. С. 6—11; Тихоокеан. звезда. Хабаровск, 1996. 29 июня.
- ¹⁷ Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 405—406.
- ¹⁸ Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928—1941. Новосибирск, 1997. С. 43.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ ГАХК. Ф. П-2, оп. 1, д. 299, л. 11.
- ²¹ ГАПК. Ф. 179, оп. 4, д. 38, л. 82.
- ²² Ермизина Е.М. Раскулачивание в амурской деревне... С. 19.
- ²³ Земсков В.И. Спецпоселенцы (по данным НКВД МВД СССР) // Социол. исследования. 1990. № 11. С. 4.
- ²⁴ РГАЭ. Ф. 7446, оп. 2, д. 290, л. 77—78; Сутурин А. Дело краевого масштаба. Хабаровск, 1991. С. 9.
- ²⁵ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Док. и материалы. В 5 т. 1927—1939. Т. 3. Конец 1930—1933. М.: РОССПЭН, 2001. С. 662, 664.
- ²⁶ Там же. Т. 3. С. 663.
- ²⁷ Там же. С. 17.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Янгузов З.Ш. ОКДВА на страже мира и безопасности СССР (1929—1938 гг.). Благовещенск, 1970. С. 111.
- ³⁰ Усурийский казачий вестник. 1992. № 5, авг.; Боевая вахта. Владивосток, 1992. № 200.
- ³¹ ГАПК. Ф. П.-1, оп. 1, д. 178, л. 16. (данные неполные).
- ³² Чернолуцкая Е.Н. Паспортизация советского населения как завершающая веха в утверждении тоталитарного режима в СССР (на материалах Дальнего Востока) // Тоталитаризм как исторический феномен. Владивосток, 1996. С. 100.
- ³³ Там же.
- ³⁴ ГАХК. Ф. 353, оп. 9, д. 34, л. 245.
- ³⁵ Там же. Л. 244, д. 46, л. 151.
- ³⁶ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939: док. материалы. В 5 т. Т. 5. 1937—1939. Кн. 1. 1937. М.: РОССПЭН, 2004. С. 389.
- ³⁷ Тибекин А.Р. Организация и экономика сельского хозяйства Дальневосточного экономического района (1958—1985 гг.). Хабаровск, 1989. С. 83.

SUMMARY: The author of the article “The Village of the Russian Far East in the 30s of the 20th century” by Candidate of Historical Sciences Liudmila Proskurina comes to a conclusion that collectivization changed radically the mode of life in the village. This article depicts various aspects of the problem.